

Третий раз подряд мне выпадает фант, и я снова выбираю правду.

Кан Кай, затаивший на меня обиду за брошенную в него подушку, спрашивает:

— В каком возрасте у тебя был первый поцелуй?

Я прекрасно понимаю, что он пытается вывести, не было ли у меня в старших классах тайных романов, чтобы потом с триумфом развить тему. Раньше, когда они подшучивали надо мной, я всегда отвечала, что ничего не было, но никто не верил. А теперь, улучив момент, они снова взялись за меня.

Но что мне делать сейчас? В мыслях всплыл образ Чэн Ди, а взгляд я поднять не решалась, боясь встретиться с ней глазами.

Я вспомнила свой первый раз. В той квартире, где она тогда временно жила, в просторной гостиной мы играли в прятки. Я была с завязанными глазами и шаг за шагом загоняла её в угол.

— Чэн Ди, не убегай!

Я знала, что она кружится где-то в метре от меня, потому что она только что приняла душ, и тонкий аромат её геля проникал мне в ноздри.

Она хихикала и отступала назад:

— Попробуй, поймай! Ну же, лови, не поймаешь!

Я осторожно продвигалась вперед, беспорядочно хватая руками воздух.

— Попадись мне только, я тебе покажу!

— Хорошо, но сможешь ли ты меня поймать?

Её провокационные слова заставили меня податься вперед, и я, сама того не ожидая, прижала её к стене.

— Хе-хе, попалась.

Я крепко обняла её, боясь, что она вырвется или схитрит. Сквозь ткань пижамы я чувствовала её гибкую талию, а на лице ощущала её теплое дыхание.

Она же смотрела на меня не отрываясь, и в глубине её глаз читалось что-то, чего я не могла до конца понять, но смутно чувствовала. А я так и стояла, застыв в объятиях.

Её лицо медленно приближалось, и губы коснулись моих.

В тот миг я потеряла ощущение времени и пространства, забыла обо всём на свете, осталась лишь эта нежная близость, в которую я погрузилась с головой...

Не знаю, вспоминает ли Чэн Ди тот осторожный, наполненный сладостью первый поцелуй, но я чувствовала, что моё лицо стало каким-то неестественным.

— Хе-хе, о чем задумалась? — с недоброй усмешкой спросил Кан Кай.

— Ни о чем, ни о чем... — снова раздался дружный смех.

Хорошо, что я не склонна краснеть, а то опозорилась бы по полной.

— Давай, отвечай! — подгоняла Ван Мэй, а Цзя Лань смотрела на меня, как на представление, изредка пригубливая вино.

— Я... — я сглотнула, — в десять лет.

Все остолбенели.

— Ничего себе, какая ранняя! — ехидно рассмеялась Ван Мэй. — Говори, кому достался?

— Тому... маленькой девочке из соседнего дома...

Они застыли, как изваяния.

Прежде чем они успели выпалить: Значит, тебе нравятся девочки?, я поспешно добавила:

— Ей было всего шесть месяцев...

— Да ты педофилка! — послышалось со всех сторон.

— Какая педофилия! Просто у ребенка губки были такие розовые и милые, что я не удержалась и поцеловала...

Они разочарованно вздохнули.

Чтобы не дать им докопаться до истины, я решила перейти в наступление:

— Так, ребята, хватит меня мучить. Я знаю, что вы на меня в обиде, поэтому и пришла сегодня просить прощения. Все проголодались? Сегодня я угощаю, что бы вы ни заказали — плачу я!

На их лицах появилось удивление, сменившееся хитрыми улыбками.

— Правда? За всё платишь? — с прищуром спросил Кан Кай.

— Конечно! — сердце сжалось от жалости к собственному кошельку, но страх перед их каверзными вопросами был сильнее.

— Ха-ха, погнали! В ресторан Таоте! — не знаю, кто это предложил.

Ресторан Таоте? Mamочки, там банкет стоит минимум три тысячи за стол! Но я уже не могла дать задний ход и лишь процедила:

— Пошлите, раз уж я решила раскошелиться, то гулять так гулять.

Ван Мэй, взяв под руку Цзя Лань, а другой ухватив меня, кокетливо рассмеялась:

— Идемте, обчистим нашу учительницу Сяо!

Так меня и утащили.

Компания гуляла на славу. В итоге счет за два стола с напитками составил семь тысяч триста юаней — почти две моих месячных зарплаты! Но мне всё равно пришлось улыбаться и заискивать:

— Спасибо, что пожалели, не стали обдирать до нитки...

До чего же жалко я выглядела!

Когда всё подходило к концу, я пошла к кассе, чтобы расплатиться, но обнаружила, что на карте всего четыре тысячи пятьсот. Я уже начала думать, у кого бы занять или попросить Сы Мина привезти денег, как вдруг чья-то изящная рука протянула мне карту:

— Давай я одолжу.

Я обернулась — конечно, это была Чэн Ди. Её голос я хотела бы забыть, но помнила слишком отчетливо. Я не хотела иметь с ней ничего общего и только собралась отказаться, как она добавила:

— Мы же друзья, просто друзья, не так ли?

Ха, друзья? Просто друзья? Это то, что нас теперь связывает?

Да, именно это. А что еще могло нас связывать?

Чрезмерная старательность выдает с головой, а естественность помогает скрыть некоторые вещи. Поэтому я взяла карту и сказала:

— Спасибо, на днях верну. Будем просто друзьями...

Оплатив счет, мы вместе направились обратно в зал. Она шла справа от меня, повернулась и тихо спросила:

— Как ты живешь?

В её голосе слышалась та самая мягкость, в которую я когда-то была влюблена, — как весенний прохладный ветер. Она не со всеми разговаривала в таком тоне, поэтому я немного растерялась, подумав: лучше бы ты была со мной холодна...

— Неплохо. А ты?

— Тоже неплохо. Обычная жизнь замужней женщины.

Замужем. Да, замужем. Спустя три года при виде её сердце всё еще глухо ныло, но на лице пришлось натянуть улыбку.

— Это хорошо, стабильная жизнь.

— А ты? Собираешься вернуться в Ичэн? — она пропустила тот момент, когда Кан Кай и остальные выпытывали из меня всё подряд.

— Да, буду сеять разумное, доброе, вечное в третьей школе.

По специальности я не педагог, но знала, что мой характер позволит мне стать хорошим учителем, к тому же я люблю эту профессию. После выпуска я три года проработала учителем английского в старших классах. В этот раз я прошла по конкурсу в третью школу Ичэна — она не уступает моей родной первой школе. Документы уже оформила, к занятиям приступлю в конце августа.

— Отлично, стабильная работа. А я в мэрии, — сказала Чэн Ди.

Я лишь хмыкнула. Такой светский разговор вызывал у меня дискомфорт, но это был самый естественный способ общения в данной ситуации. К счастью, мы уже дошли до двери, и продолжать беседу не пришлось.

После ужина мы пошли в караоке. Я снова вызвалась платить — денег всё равно уже не жалко. Видя, что я искренне раскаиваюсь, они больше не стали меня донимать.

Пение — коронный номер Цзя Лань, поэтому все дружно начали подталкивать её к микрофону. Она не стала ломаться, выбрала песню и уверенно встала в центре. Короткая стрижка и белые брюки придавали ей свежий, деловой вид. Зазвучала печальная мелодия, выражение её лица сменилось на грустное, и раздался её глубокий, чарующий голос:

— Глубокие чувства, сплетенные из цветов, в поисках тебя... Ты словно испарившийся силуэт.

Мое сердце опустилось вниз, дрожит, не в силах издать ни звука.

Спектакль без финала, мы словно в кино...

Когда все, кто смотрел на меня, разошлись, я наконец увидела саму себя...

Цзя Лань пела с чувством, мастерски передавая всю горечь песни. Мне стало не по себе: нахлынули старые боли, сердце сжалось от муки, но на лице пришлось сохранить спокойствие.

Я много раз слушала эту песню и каждый раз плакала. Однажды моя соседка по комнате Сяо Нань выключила музыку и крикнула:

— Сяо Нин, ты что, с ума сошла? — она бросила мне полотенце. — Это же самоистязание! Не

понимаю, ну рассталась ты, неужели он того стоит? Сы Мин — отличный парень, почему не попробовать? Новые отношения — лучшее лекарство, ты разве не знала?

Да, после окончания школы вся моя жизнерадостность постепенно улетучилась. На людях я смеялась, а в одиночестве беззвучно плакала. Мне негде было выплеснуть печаль, не с кем поделиться. Я очень скучала по Чэн Ди, безумно скучала, даже спустя три года при воспоминаниях сердце разрывалось. Сы Мин был хорошим человеком, мы познакомились на втором курсе, он постоянно звал меня гулять под разными предлогами. Однажды он сказал: Смени мне статус на другой... Я не знала, что ответить, и попросила подождать. Он ждал полгода.

С того дня я перестала слушать эту песню и сказала Сы Мину: Давай начнем. С того дня я заполняла всё свое время делами...

Но сейчас, услышав первые аккорды, я снова хотела плакать. Почему спустя семь лет я всё еще такая слабая?

Я посмотрела на Чэн Ди. Она стояла в двух метрах от меня, смеясь над чем-то с Чжан Юаньюань. Глядя на её улыбку, мне становилось всё больнее. Эта улыбка не принадлежала мне... не принадлежала.

Я сказала Ван Мэй, что пойду в уборную, схватила сумку и вышла из комнаты. Мне хотелось уйти подальше от этой щемящей мелодии, от этого грустного голоса, от Чэн Ди, смеющейся в двух метрах от меня, от моих кровоточащих воспоминаний, от моей любви, яркой и мимолетной, как фейерверк.

Проходя мимо Чэн Ди, я мельком взглянула на неё, но не обернулась и вышла из помещения. Отправила Ван Мэй сообщение, что у меня внезапно разболелся живот и я ухожу. Она позвонила, предложила проводить, но я отказалась, попросив извиниться перед остальными за меня и пожелать им хорошего вечера.

Повесив трубку, я бросилась бежать, куда глаза глядят.

<http://bllate.org/book/20983/2130411>